

ДМИТРИЙ СВЕТЛОВ

НОРМАНН.
ПРАВО НА
ВЛАСТЬ

Норманн

Дмитрий Светлов

Норманн. Право на власть

«Махров»

2012

Светлов Д. Н.

Норманн. Право на власть / Д. Н. Светлов — «Махров»,
2012 — (Норманн)

ISBN 978-5-9922-1235-8

Руслан Артурович Нормашов никогда не мечтал о карьере начальника, тем более самовластного правителя. Тем не менее неожиданно-негаданно он оказался признанным князем карельских земель. Личная храбрость, находчивость и доброта позволили создать большую по меркам четырнадцатого века дружину. Первая робкая попытка проверить свои силы и воинское умение закончилась успешным походом в Поволжье. Разложенный вокруг него пасьянс интриг вынудил пойти войной на Литву – и снова удача улыбнулась герою. Две громкие победы отозвались среди русских князей негативным резонансом, ибо в обоих случаях Норманн затронул вековые родственные связи.

ISBN 978-5-9922-1235-8

© Светлов Д. Н., 2012

© Махров, 2012

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Дмитрий Светлов

Право на власть

Глава 1

Изгнание шведов

Казалась бы, пустячное ранение, наконечник стрелы вошел в ногу всего-то на сантиметр, не более. А по жизни получилось слишком много хлопот и неудобств: на следующий день рана опухла и начала гноиться. Норманн испугался, а вдруг заражение крови или еще какая гадость типа гангрены. Утром Флейен и Бригген осмотрели рану и успокоили:

– Ерунда! Через неделю из раны выйдут черви, после чего все быстро заживет.

– Какие еще черви! – нервно воскликнул Норманн.

– Белые и совсем маленькие, – спокойно ответила Флейен.

Воображение тут же нарисовало жуткую картину, как внутри организма множатся и ползают черви, а зуд в ране не что иное, как поедание его плоти.

– Боярин! – В спальню без стука вошел Неяд. – К тебе гость, из Сердоболя воевода приехал.

– Не могу встать, нога распухла! – жалобно простонал Норманн.

– Ну-ка покажи!

Бывший сотник, а теперь воевода, бесцеремонно откинул одеяло.

– Полежи чуток, сейчас вернусь с мазью. Через неделю сможешь танцевать вприсядку.

Норманн не успел додумать мысль о своей несчастной жизни в этом злобном мире, как вернулся Неяд с маленьким глиняным горшочком.

– Что это? По запаху похоже на селедку.

– Какая там еще селедка! Березовый деготь с соком одуванчика и маслом подорожника.

– У аптекаря купил?

– Забавляешь меня? – улыбнулся сотник. – В Любеке травы продают за безумные деньги.

– Где же взял?

– Подобные снадобья любой воин умеет делать. Не бегать же к травницам по каждому пустяку.

Неяд резко сдвинул пальцами корешок припухлого места, тонкая кожа лопнула, и из раны потек гной вперемешку с черными сгустками крови. Норманну стало дурно, и он потерял сознание. Очнулся от восклицания:

– Все, боярин, хватит спать, я закончил! На-ко, выпей отвара и собирайся, а я пойду гостя развлекать. Его величают Яков Овинов.

Норманн покосился на повязку и сел. Он боялся врачей и уколов, простенькая процедура взятия крови из пальца бросала в нервную дрожь, заставляла отвернуться и сжаться в ожидании неминуемой боли.

– Что это ты мне налил?

– Солодка с мелиссой, – удивленно ответил сотник, – неужто по вкусу не признал?

– Вообще впервые слышу. А зачем пить?

– Чудная у тебя была жизнь, простых вещей не знаешь. Организм укрепит, рана быстро затянется. Через четыре дня пойдем в баню.

– С открытой раной? В баню? Не, это без меня!

– Ты крепкий, вишь, за ночь кожа выросла. Иной неделю с открытой раной мается.

– И сразу распариться, чтобы снова загноилась?

– Брось, зарастет. После баньки повязочку целебную наложу. Два дня – и здоров, про болячку свою забудешь.

– Снова деготь?

– Да нет, сок мать-и-мачехи с семенами крапивы и репейника на меду. Для заживления ран нет лучшего средства.

Норманн осторожно встал, прислушался к своим ощущениям. Нормально, рана не зудела, нога не болела, вздохнул и принялся одеваться. Собираясь бить шведов, он прихватил с собой только два комплекта белья да комплект одежды на всякий случай. Вдруг нужда погонит по бурелому, где по запарке можно легко изорвать и штаны и куртку. Кто же знал, что придется встречать гостей в трофейной крепости. Если говорить серьезно, штурмовать вражеские твердыни он не собирался. Отправляясь наказывать наглых шведов, Норманн полагал найти их в обычных деревнях, по типу поселений вепсов или карелов, дальше его фантазия не шла. А тут, оказывается, прашуры Карла XII понастроили настоящие военные укрепления и занялись форменным рэкето. Ну, погодите! По весне запланирован торговый вояж в Персию, а затем он им покажет, будут знать, как лезть на исконно русские земли.

Осторожно, стараясь не потревожить раненую ногу, спустился по лестнице в горницу, где Нерль оживленно беседовал с сердобольским воеводой.

– Благодарю тебя, боярин, от всей новгородской земли! – заметив хозяина, торжественно произнес гость.

– Да не за что. Позарились на мои селения и были наказаны.

– Хорошее наказание! – усмехнулся Яков Овинов. – До нас дошла молва, что свеи ушли от твоей деревни несолоно хлебавши.

– Копейщиков моих побили.

– Да никого не убили, а своих половину положили. Дружина у тебя хороша, прям завидки берут.

– Здесь ты неправ, войско еще учить и учить. Ни строя, ни организации, десятники норовят впереди всех бежать.

– А сам? Вон хромаешь. Или с лошади упал?

– Это стрела, я стою позади всех да у Нерля учусь.

– Другой князь так станет, что не достать в два полета стрелы. А Нерль хороший воин, я его хотел к себе забрать.

– Что же не взял?

– Так посадский боярин не разрешил, боится ссоры с князьями.

– Чего там опасаться? Ради такого пустячного дела войной не пойдут.

– Им только дай повод для свары, сразу начнут устраивать каверзы нашим купцам.

– Всему виной деньги, – заметил Нерль. – Князья живут набегами, а на продажу только подати да собранная дань.

– Как появится прибыль, так сразу новиков в дружину набирают, – добавил Яков Овинов.

– Получается замкнутый круг: увеличил войско – и хочешь не хочешь, а снова надо идти в набег. – Норманн поудобнее устроился в кресле и выпрямил раненую ногу.

– Зато в Новгороде и Пскове обратная беда. – Сердобольский воевода начал нервно тереть окладистую бороду.

– Слыхивал, – откликнулся Нерль. – Вече противится расходам на войско. Бояре да купцы каждую копейку норовят пустить в оборот.

– А войско втихаря отпускают в набеги, – засмеялся Яков Овинов.

– И себя не забывают? – поинтересовался Норманн.

– А то! Две трети с добычи идет в городскую казну.

- Неплохо! Куда уходите? На свеев или датчан?
- По-разному. Чаще всего на Васа, Оулу, Пори или Сундсвалль. Бывает и Висбю ограбим, если купцы сговорятся с мурманами.
- Не боитесь сдачи получить? Свеи могут организовать ответный набег на Новгород.
- Слабаки! Меж собой дворянами грызутся, на карельские земли бегут от церковной десятины. Не до нас им.
- На Або не пытались ходить?
- Боязно, живым не уйти, Эрнст-Отцеубийца держит там большую дружину.
- Это земли годара?
- Да нет, готландские купцы правят. Избранные правители их боятся пуще огня. Мало убьют, так еще семью голой по миру пустят.
- Сурово!
- Не то слово! Ярл Хорнстрем попытался силой взять рудники Иори, так готландцы весь его род посадили на цепь.
- Мурмань, однако ж, грабят, и успешно.
- Удача каждый год кому-то улыбается, да большинство отправляется на корм треске.
- Я наобум лазаря не пойду, только вот не знаю, как туда пробраться да своими глазами на крепости и склады посмотреть.
- Иди и смотри. Купцам дозволено медь-серебро покупать прям у плавилен.
- В чем резон чужих людей к рудникам подпускать?
- Купцу выгодно на месте брать, так дешевле. И хозяевам хорошо, на охрану не надо тратиться.
- Смысла не вижу. Я заплатил и ушел с серебром или медью. А купец следом отправил мои деньги с той же охраной.
- Э нет! Ты платишь в Або, после чего с купчей идешь к рудникам.
- Интересно, надо подумать да посмотреть.
- Вот что, княже, надо свеев с последней крепости согнать. Не возьмешь на себя сей труд?
- Это какую?
- Денсгольм, что перекрыл дорогу на Приозерск и Выборг. Уж сорок лет под свеями, а когда-то был под Новгородом и звался Марь Гора.
- Почему отдали?
- Так и Сердоболь заберут без твоей помощи. У меня-то всего две неполные сотни. Не устоять, если ярлы скопом навалятся.
- Неужели посадский боярин этого не знает.
- Ненадобна наша крепость, не помощница она торговле. Иноземцев здесь не бывает.
- Польза не видна, пока на этом берегу стоит новгородская нога. Свеи заберут и погонят русских купцов от Северной Ладogi.
- В любом случае то не нам решать, помоги согнать врага, и Денсгольм забирай себе.
- Сколько там воинов?
- Под рукой ярла Хутинга стоит пять сотен.
- Сколько?! – Норманн даже привстал. – Да у меня и половины не наберется! Новиков на крепость я не поведу!
- Стены невысоки, дальше до самого Выборга нет ни одного укрепления.
- При чем здесь дорога на Выборг! У меня воинов нет!
- Придумай что. Вон сколько свеев побил да крепости забрал.
- Нашел о чем говорить! Мы пьяных перебили, затем пустые укрепления голыми руками взяли.
- Я тебе помогу.
- Чем? Сотню дашь? Да я полсотни прибавлю. Полагаешь, что враг от смеха помрет?

- Тебе Любек сотню копейщиков дал.
- Они все раненые. И какой смысл с копьями на стены бросаться?
- Подумай, княже. Люди хвалят тебя, говорят, на выдумки богат.
- Оставайся погостить, на войско мое погляди, сам поймешь мои проблемы.

Вечером не спалось. Флейен тихо посапывала в подушку, а Норманн задумался над давешним предложением сердобольского воеводы. О штурме крепости не могло быть и речи. Штурм стен требует со стороны атакующих значительного перевеса сил. И хитрости никакой не придумать. Пушек нет, и неизвестно, когда будут. Всякие катапульты-баллисты в одночасье не сделать. И вообще нет смысла ломать голову над невыполнимой задачей. Противник выйдет из крепости и сметет нахалов, не дав приблизиться на полет стрелы. А что? Вот и возможность!

Лица тевтонских баронов сияли как медные самовары. К Норманну приехала вся троица вместе со своими женами. Первым делом Николаус фон Кюстров официально вручил рапорт с полным отчетом о проведенном сражении, а также о последующем преследовании отступающего противника.

– По весне в ваш замок приедут старосты карельских селений и присягнут на верность как правителю этих земель.

- Кто вам это сказал? – удивился Норманн.
- Десятники обходили близлежащие деревни, везде согласны пойти под вашу власть.
- Зачем понадобился обход?

– Новобранцы нужны. Вы сами в письме писали, что после ледохода заберете свою сотню копейщиков.

– Скольких набрали?

– Остановились на трех сотнях, но все будут ваши, мы пока не в состоянии выплачивать жалованье и снабжать одеждой.

Вот оно что! Выходит, слух о красных камзолах и синих штанах докатился и до карелов! Впрочем, неудивительно, они же все время крутятся в строящейся крепости. Одни работают под руководством Антонио, другие привозят руду, рубят лес, машут кувалдой на каменоломне, ворочают бревна на лесопилке, помогают в кузницах или плавильнях, на подхвате у ткачей и прядельщиков. Медная монетка в зарождающемся городе стала выгодней жизни в лесной глухомани. Только вепсы сохранили прежний уклад, правда, стали высокомерны. Оно и понятно, Норманн считался своим, он на их земле и как бы вепс. Ладно, это лирика, зато желание карелов встать в строй не могло не порадовать. Тевтонцы, новгородцы или воины Центральной России очень даже хорошие солдаты. Но гарнизоны из представителей местных народов намного лучше, ибо они защитники своего дома. Патрулирование и разведка станут намного надежней за счет помощи аборигенов.

Решение изменить свой статус и позиционировать себя как защитника местных племен повлекло за собой длинную цепь рутины. Для начала следовало официально ввести во власть немецких баронов и сделать это торжественно и прилюдно. Дальше – больше. Засев за титульные грамоты, решил написать их по-русски, сиречь на старославянском. А закончив первую, решил устранить несправедливость и присвоить баронский титул всем своим помощникам. Из Медвежьего замка привезли сверкающие полировкой мечи и массивные золотые цепи. Немного повозившись, Норманн вставил переливающиеся яркими искрами китайские стекляшки. Мечи сделал именными, нанеся с одной стороны ставшую уже традиционной надпись «Аз есмь законъ», а с другой стороны – «Божьей милостью баронъ Захаръ Дидыкъ». К золотым цепям добавил яркие голубые призмы в обрамлении венка, а ниже вывел свое настоящее имя «Руслан Артурович Нормашов».

Хороша кухарка в бывшей шведской крепости! Норманн с удовольствием уплетал свиные колбаски с тушеной квашеной капустой. Обьединение! Легкая кислинка придавала блюду неповторимый вкус, а запах будоражил напоминанием о деревенском детстве.

– Приятного аппетита, боярин! – В комнату вошел Нерль. – Утомони Тутника, он у меня всех новобранцев уведет!

– Садись за стол, угощайся, в воинской столовой такого не подают.

– Спасибо, сыт. Про нашу столовую напраслину не говори. Карельские девки отлично готовят.

– И вам колбаски давали?

– Зачем? Свиные шкварки с тушеной репой и брюквой да тертая редька на сметане. Воины от стола с трудом вставали.

– А хлеба вдоволь?

– Белых хлебов нет, а ржаной муки вдосталь.

– Откуда?

– Местная, карелы сажают между озерами Янис и Сайма, да урожаями хорошими хва-
стают.

– Вот еще одна причина крепко вцепиться в здешние земли.

– Не отдадим! Обратно в Выборг загоним!

– Поживем – увидим. Что там у тебя стряслось с Антанасом?

– Совсем меру потерял, половину новиков себе в лучники увел.

– Сколько твоих в крепости?

– Новобранцев-то? Четвертую сотню добираю.

– А Тутник сколько набрал?

– Сегодня третьего сотника назначил.

– Так это что? Если добавить новиков, что у немцев, то получается полная тысяча?

– Ну да. С мурманами да пришлыми за зиму под твоей рукой более двух тысяч будет.

– Ни хрена себе! Что мне делать с такой армией?

– Кто намерен у сердобольского воеводы про серебряные рудники выпрашивать? – лукаво спросил Нерль.

– Чем воинов кормить? Это ж надо войну затевать да Европу до Франции ограбить!

– Про Францию ничего не знаю. По слухам, в Денсгольме запасы большие, они каждый год корабельщикам рожь продают.

– Крепость еще взять надо.

– С тысячей и твоей хитростью? Да запросто!

– Вот что, ты с Антанасом не спорь, лучники нам очень нужны. Свою дружину добери до шестисот, и хватит.

– Как хватит! В Денсгольме пятьсот воинов, да здесь было четыре сотни! А ты мне только шестьсот даешь!

– Свеи блокировали Сердоболь с двух сторон, а тебе следует опасаться нападения только по выборгской дороге.

– Вдруг с севера придут?

– Говорил уже, по весне заложи крепость на берегу Сайменского озера. Отрежешь врагу последний путь.

– Тогда уж Выборг возьми, все земли одной крепостью защитишь.

Здесь Нерль абсолютно прав, Выборг никак не обойти. Сайменские озера и болота защищают лучше любых укреплений. Речной путь позволяет плавать на север, на восток вообще дороги нет, если только через трясины по пояс в иле. Хороша идея захватить эту крепость, да без пушек и думать нечего. Даже в таком варианте тысячу у стен положишь. Оно ему надо – затевать игрушки в Наполеона? Вот Денсгольм совсем другое дело. Локальный микроклимат

позволяет заниматься земледелием с хорошими урожаями. Пшеница не растет, то не беда, он белого хлеба с булками не видел до учебы в Кириллове, и ничего, здоровье на зависть многим. С лучниками Антанас Тутник абсолютно прав: первые плавания показали чрезвычайную агрессивность всех встречных-поперечных. В то же время тактика боев по своей примитивности уступала даже древним финикийцам. Всего-то залп из арбалетов и абордаж, в котором побеждает количество человек. В одночасье не сделать и простейших баллист или катапульт, не говоря о пушках. К тому же артиллерия имеет одно паскудное свойство, не стреляет без орудийного расчета, а пушкарей даже в двадцать первом веке готовят не менее года.

Наконец настал день вручения титульных грамот. Зал для пиршеств оказался переполнен гостями, где вместе с волнующимися баронами собралась внушительная толпа карельских старост. Теснотища – не продохнуть! Но более удобного места в крепости просто не было. Во избежание никчемных обид, кандидатов заранее предупредили, что очередность церемонии будет проводиться согласно с русским алфавитом, а не по заслугам или старшинству.

– Барон Дитрих фон Гренинг! – громко выкрикнул Нил. – Прошу подойти к правителю!

Бледный от волнения тевтонец вытянулся как струна и четким шагом подошел к Норманну. Затем приветствовал поклоном головы и опустил на правое колено.

– Данной мне Богом властью жалую тебя баронским титулом, а также землями с правом наследования...

Перечисляя холмы, луга и реки, Норманн ощущал сюрреализм происходящего действия. Кто он? Да никто! Самозванец, свалившийся на головы этих людей из совсем иного, сытого и беззаботного мира, где основной проблемой являлись деньги, чтобы их потратить на очередную ненужность. Здесь боролись за выживание, подозревая в каждом незнакомце потенциального врага. Что касается открытого грабежа и разбоя, так вся разница лишь в том, что в «цивилизованном мире» грабят с вежливыми улыбками по прогрессивной шкале.

– В знак своей любви жалую тебе золотую цепь, как символ баронского титула.

Норманн сначала поднял регалию над головой для всеобщего обозрения и под дружный восхищенный вздох повесил ее на шею фон Гренинга.

– Как признание твоей воинской доблести жалую тебе меч.

И поднял оружие над головой; украшенная китайским стеклом рукоять брызнула разноцветными искрами. Зал восторженно выкрикнул:

– Славься! Славься! Славься!

Барон Дитрих фон Гренинг заплакал, поцеловал лезвие меча, затем поклонился по русскому обычаю и, гордо вышагивая, вернулся на свое место.

Процедура вручения титульных грамот значительно затянулась по причине эмоциональной перенасыщенности. Антанас Тутник плакал как ребенок, обещая отслужить верой и правдой. Захар Дидык с силой обнял и расцеловал. Нерль поклялся разорвать врагов голыми руками. А Шушун долго стоял на коленях, доказывая свое низкое происхождение и невозможность принять столь высокий титул. Наконец торжественное вручение закончилось, девять новоиспеченных баронов в окружении жен и детей направились за самозванным правителем к накрытым столам. Норманн произнес длинный тост, в котором постарался красочно описать заслуги каждого из получивших титульную грамоту, после чего началось чествование виновников торжества. Что интересно, когда заснеженный двор заискрился под яркой луной и настала пора расходиться, то пьяных вообще не оказалось. В двадцать первом веке каждый человек проводит свободное время лежа у телевизора, а собираются компанией, чтобы выпить. Здесь же на первом месте стояло общение и развлечения. Тот же хоровод водили в различных вариантах от невинных поцелуев до ловли выбранной «жертвы».

– Слышь, боярин, – к Норманну подсел Шушун, – ты в Новгороде молодежь порадовал забавным инструментом.

– Понял твою мысль, да новый сделаю нескоро. Сперва лес высушить надо, лесорубы принялись за дело совсем недавно.

– Зачем тебе сухое дерево? Скоморошья балаболки всяк сделает. Ты железную струну вытяни, она звонче крученых кишок.

– Здесь волоочильный станок только под кольчугу.

– Да нет, незачем спешить – гонец был, дружина на подходе.

– В Сердоболь сообщили?

– То Нерля спрашивай, я здесь гость. Может, и меня возьмешь?

– Корабельщики – вот твоя забота. Нам по весне в Персию идти большим караваном.

– Не заботься, у тебя в Рыбреке две сотни готовы.

– Ох, Шушун, Шушун, Рыбрека теперь твоя вотчина. А на двадцать ганзейских карфи твои две сотни, что пыль на дороге.

– Я еще десяток ушкуев подготовлю, а то и больше. Товара для персов у тебя много.

– Что ты приготовил?

– Это ты приготовил. Полон повезем, рабы в тех краях вчетверо дороже.

– Пустое, где ты его наберешь?

– Сам хвастал, что в Денсгольме сидит пять сотен воинов.

– Нам бы крепость взять, а ты уже о трофеях заботишься.

– Возмешь, и свеев, и жен с детьми.

– Давай не будем заранее о добыче говорить. – Норманн поежился от неприятного озноба. – Корабельщиков ищи!

– Чего искать? Я твое слово только крикну, вмиг из Новгорода да Колы набегут.

– Уверен?

– А то! Твое имя нынче почетно в Новгороде.

Что такое слава? Так, новогодняя мишура, сегодня есть, назавтра забыли, а то и злобная ругань вслед. Норманн не забыл свои бои в подвалах, когда после удачной победы почтители омывали его шампанским. Помнил неприязненные взгляды после поражений и никогда не простит подставы с попыткой засадить в тюрьму. Напоминание Шушуна о новгородских развлечениях подтолкнуло к идее взяться за изготовление гитары. Для балалайки надо два сорта дерева, а здесь достаточно ели, да и клеить проще. Еще бы поэкспериментировать с прокатными вальками и сделать гармонь, тальянку или хромку, работа простая, а деньги обещает большие. Эх, будь он инженером, здесь можно широко развернуться, если до этого не прибьют.

Крепость Денсгольм не выглядела грозным укреплением ни издали, ни вблизи. Невысокая деревянная стена протянулась почти на километр, заканчиваясь у реки и Ладожского озера добротными угловыми башнями, через равные интервалы возвышались площадки для лучников и пращников. Восточная стена шла по высокому берегу Ладоги, а западная и южная стояли на обрыве, вдоль которого протекала река. Именно эта горюшка и дала в свое время название крепости Марь Гора. Дорога из Сердоболя упиралась в прируб широких ворот и выходила с юго-западной стороны как Выборгский тракт. В зимнее время штурмовать можно с любой стороны, а наибольшего успеха можно добиться ударом с севера. Если верить прочитанным книгам, штурм и осада крепостей чаще всего выглядели совсем не так, как это описывают в исторических романах. Защитники выстраиваются у стены, вынуждая врага идти в атаку. Сама тактика сражения была проста и эффективна – обороняющаяся сторона старалась пропустить противника сквозь свои ряды, затем дружно навалиться и столкнуть в ров или прижать к стене, после чего добить. Определяющим фактором являлись стоящие на стене лучники и пращники.

Соответственно классика осады крепостей требовала от нападавших значительного перевеса сил. Первым делом крепость обносили временными укреплениями, а напротив ворот размещали «отряд быстрого реагирования». Суть в том, что прорыв в лагерь осаждающих даже

небольшой группы защитников крепости мог натворить много бед, а порой и вынудить снять осаду. У Норманна нет и не могло быть большого войска, а гнать на стену толпу карелов он не собирался.

В ворота Денсгольма, звеня колокольчиком, въехали сани с норвежским воином и двумя воительницами. Кучер остановился у дома ярла и, высадив пассажиров, тут же рванул обратно.

– Чего тебе? – спросил вышедший на крыльцо седоусый воин.

– Я Норманн, сын годара Тренделага, вызываю ярла Хутинга на поединок.

Дверь широко распахнулась, на пороге появился рослый швед в расхристанной рубахе.

– О! Нам девок привезли! А это кто с ними?

– Норг, захотел потягаться с нашим ярлом, – усмехнулся седоусый.

– Девки в дом, а этого гнать за ворота. – И небрежной походкой направился к валькириям.

– Не по правилам, – возразил воин.

– Плевать! Ты сегодня будешь моей. – С этими словами попытался обнять Флейен.

Девушка резко отшатнулась, в холодном воздухе злобно свистнул меч, отрубив хаму обе руки по локоть.

– Этого достаточно? – ласково улыбнулась Бригген. – Могу еще кое-что отрезать!

Вопль боли и ярости разбудил умиротворенную тишину, со всех сторон к крыльцу начали сбегаться воины. Посыпались угрозы и возмущенные выкрики, но объяснение седоусого быстро утихомирило собирающуюся толпу. Любой воин, будь то мужчина или женщина, вправе отстоять как свою честь, так и защитить товарища. Из дома вышел ярл в сопровождении своих приближенных.

– Что у вас тут случилось?

– Хеттан полез титьки лапать, а девка отрубила ему руки, – слышался из толпы ехидный комментарий.

– Это правда? – Грозный взгляд в сторону седоусого. – Пришлая воительница лишила воеводу обеих рук?

– Так и было.

– Норги? Что им здесь надо?

– Я Норманн, сын годара Тренделага, вызываю тебя, ярл Хутинг, на поединок!

– Нам нечего делить, я вижу тебя в первый раз.

– Делить действительно нечего. Мне нужна твоя крепость.

Воздух застыл от сказанных слов. У воинов остановилось дыхание, под ногами собравшейся толпы прекратился легкий скрип снега. Шведы всегда неприязненно относились как к датчанам, так и к норвежцам. Вызов на поединок легко мог закончиться приказом убить наглеца. И расправятся без каких-либо ссылок на традиции тинга¹ ибо победа Норманна вынудит уйти всех. Не будут шведы жить под началом норвежца! Западно представителям высшей касты опуститься до подчинения бездомному бродяге!

– Никак не уговонишься? Здесь не Нидарос, живым тебе не уйти.

– Права владения решают Тор и Один, – с некоторой запинкой ответил Норманн. Он с трудом вспомнил имя второго божества скандинавов.

– Трелль! – крикнул ярл. – Я давно не видел топоров в твоих руках!

– А че! – откликнулся здоровенный детина. – Помощь друга допускается правилами тинга. Я шас.

Переваливаясь, как медведь, Трелль прошел в дом через распахнутую дверь, а шведская дружина начала созывать своих товарищей. А как же иначе? Предстоит поединок всеми ува-

¹ **Тинг** – древнескандинавское и германское правительственное собрание, состоящее из свободных мужчин страны или области. – *Здесь и далее примеч. авт.*

жаемого первого бойца с не менее известным бунтарем, пытавшимся силой захватить трон своего отца. Нарастая сбегающими воинами, толпа начала отступать, образуя просторный круг. Трое шведов с трудом протиснулись сквозь плотные ряды и аккуратно уложили в центре мельничный жернов с кузнечным молотом. Это тинг и последний шанс. Поверженный противник мог попытаться коснуться рукой жернова или молота, этим он не только спасал свою жизнь, но и доказывал правоту.

Флейен и Бригген также отошли в сторону, оставшись в первом ряду. Бледные лица и взволнованные взгляды говорили о сильном нервном напряжении. Норманн подмигнул девушкам, скинул с плеч шубу, куртку и рубаху. Торс заблестел толстым слоем тюленьего жира. Правы девушки, морозный воздух совсем не охлаждал голое тело. Шведы принялись активно обсуждать многочисленные шрамы и делать предположения о сути былых ран. Блеск двух мечей мгновенно прервал громкие споры. После некоторой заминки по толпе пробежал тихий ропоток, местами завистливый, а в целом уважительный. Но вот дружный вопль собравшихся воинов оповестил о выходе Трелля. Тело бойца играло крепкими мускулами, в руках два обоюдоострых топора. На взгляд Норманна, оружие излишне тяжелое и потянет противника силой своей инерции.

– Всем слушать меня! – громко крикнул седоусый воин, что встретил сани у крыльца, после чего подошел к тингу и отсчитал пять шагов на юг. – Трелль, ты принял несправедливый вызов. Становись на это место и докажи свою правду силой оружия. – Затем повернулся к Норманну и продолжил: – Я, сотник Лунд из рода Ксельфа, призываю тебя соблюдать данные нам богами законы. Ты претендуешь на чужое и должен доказать право самого сильного. – Сделав несколько шагов, сотник встал между поединщиками и отдал приказ: – Первый ряд! Обнажить оружие! Любая попытка сбежать с тинга карается смертью!

– Да будет так! – нараспев проорали сотни глоток.

– Начали! – И Лунд вышел из круга.

Трелль принялся вращать руками, топоры слились в два стальных круга, а воздух угрожающе загудел. Зрители притихли. Норманн невольно засмеялся – здоровяк вызвал ассоциацию с изображающим двухмоторный самолет великовозрастным шалопутом. Было хорошо видно, как инерция тяжелого оружия уводит воина то в одну, то в другую сторону. Ладно, шутки в сторону, противник мелкими шагами двинулся вперед. Со стороны могло показаться, что надвигается неминуемая гибель. Ну, ну, два широких шага навстречу, качнулся вправо, затем резкий выпад влево с коротким секущим ударом. Топор с обрубком руки еще летел в зрителей, когда правый меч лишил врага второй руки. Шведы опомнились не сразу, а оторвав взгляд от поверженного Трелля, увидели победителя в расслабленной позе со скрещенными у ног мечами. Повисшая на мгновение тишина разорвалась криками, а внешне безразличный Норманн внимательно отслеживал настроение толпы. Это уже стало привычкой, практика рукопашных боев в подвалах и элитных ресторанах требовала следить за публикой, выделять группы сторонников и противников. Мало уметь правильно ударить, зритель всегда на первом месте, он должен за свои деньги получить ожидаемое зрелище.

Первым опомнился ярл Хутинг, спустился с крыльца и громко крикнул:

– Я ошибся в тебе, Трелль, слишком долго ты не брал в руки топоры. Хельмсен, порадуй товарищей!

Стоявший справа от правителя воин учтиво поклонился и ушел в дом. Норманн окинул взором двор, глянул на подходящих к воротам людей и с безразличным видом повернулся к ярлу. Однако хозяин крепости демонстративно развернулся спиной и завел со своими ближниками какой-то разговор. Но вот дружный вопль толпы оповестил о выходе Хельмсена. В руках широкоплечего детины блестел полировкой полутораметровый двуручный меч. Норманн тихо окликнул входящего в круг Лунда.

- Чего тебе? – почти враждебно спросил сотник.
- Ему тоже отрубить руки или убить?
- А сможешь?
- Легко, только скажи.
- Лунд бросил короткий взгляд себе за спину, затем уточнил:
- Живот проткнешь?
- Первым ударом.

Сотник вернулся на место, и через несколько секунд к закладчику, звеня серебром, ринулась троица шведов. Официальная история тотализатора начинается с гладиаторских боев, так что подсказка даст Норманну несколько временных сторонников. Хельмсен, держа меч перед собой, презрительно смотрел на своего врага и ожидал окончания ритуала. Сразу видно, опытный боец, прошел немало поединков и сейчас рассчитывал быстро расправиться с противником.

Произнеся необходимые слова, Лунд проворно юркнул к зрителям, а Хельмсен поднял двуручник над головой и неторопливо двинулся в атаку. Ответ Норманна вызвал среди зрителей язвительный смешок. Правая рука чуть отведена назад, а левая поднята с надеждой защититься мечом от прямого рубящего удара сверху. Действительно смешно, мощный удар сметет все преграды и разрубит прищельца до пояса. Соответственно и действие Хельмсена оказалось до примитивности простым – он нанес сильный рубящий удар с приседанием. Только последствия оказались совсем иные. Норманн сделал полушаг вправо, а при соприкосновении клинков развернул свой меч вертикально. Высекая искры, лезвие двуручника заскользило вниз и заклинило в завитушках гарды. Никто еще ничего не понял, а Норманн, не противодействуя инерции двуручника, немного повернул свой меч и дернул рукоять вверх. Хельмсен попытался удержать выскальзывающее из рук оружие. Тщетно, против него сработала сила собственного удара и закон рычага. Он еще растерянно смотрел на опустевшие ладони, а второй клинок ударил нестерпимой болью, извивающейся змеей проткнул живот и в обрамлении алых капель вышел из спины.

Зрители дружно ахнули: стремительная победа над опытным бойцом вызвала у некоторых непроизвольный возглас восхищения. А Норманн пнул трофейный двуручник в сторону валькирий, скрестил мечи у ног и принял расслабленную позу. Толпа гудела в азартном обсуждении так быстро закончившейся схватки. Некоторые пытались воссоздать детали движений и понять причину, по которой Хельмсен выпустил из рук свой знаменитый меч. Столь опытный боец не мог допустить оплошность, в то же время и норг не сделал ничего необычного. Пусть спорят, ради такого дела Норманн еще что-нибудь придумает. Новики небольшими группками проскальзывали через ворота и взбирались на площадки вдоль городских стен. Сейчас очень важно отвлечь внимание от появления посторонних людей. Шведы не запрещали аборигенам лазить по башням, да и прирубы ворот служили всего лишь укреплением, караульного помещения там изначально не предусматривалось.

Это не глупость и не безалаберность, скандинавы приходили в Карелию обычными разбойничьими шайками. Преследовалась простая цель грабежа и рэкета, посему никаких пошлин за въезд не могло быть по определению. Кто в здравом рассудке поедет в логово бандитов? Принудительное крещение с непонятными молитвами на неизвестном языке завершалось обязанностью отдавать иноземцам десятую часть своего дохода. Вот и бежали датчане в Северную Норвегию, а шведы в Карелию. Затем сбивались в шайки, на тинге избирали главаря и принимались за разбой и грабеж. Они не могли организовать торговлю даже при наличии денег. Появление в «цивилизованной» Европе означало немедленную встречу с инквизицией и развлечением местных жителей воплями на костре. Именно этот фактор и устраивал Новгород:

шведы грабили карелов, а наживу по дешевке продавали купцам. Так что Сердоболь и Корела² жили совсем не плохо, если не учитывать постоянной угрозы от незнающих дисциплины бродячих шаек.

Ярл Хутинг растерянно посмотрел на своих ближников, осталось всего двое – Енг и Варбе. Крепыши и отличные бойцы, но в складывающихся обстоятельствах они могли отказаться, что лишит ярла авторитета.

– Позволь мне! – гневно выкрикнул Варбе. – Я покрошу его в капусту!

– Спасибо, друг, выручил, быть тебе воеводой!

Появление очередного бойца с рогатиной в руках вызвало новый всплеск эмоциональных криков. Пустяшное оружие для поединка, длинная палка с насаженным мечом. И в строю не могло применяться, ибо основным приемом является горизонтальный рубящий удар с широким замахом. Попади в зону поражения, разрубит пополам! Проще говоря, рогатину держат за комель и размахивают веником перед собой. Можно перехватить и работать колющими ударами, но тяжелое лезвие быстро утомит, копьем намного удобнее. Так что цацка на любителя.

– Что скажешь? – тихо спросил подошедший сзади Лунд.

– Колющий удар в грудь, возможно, двумя мечами одновременно.

– Уверен? Не боишься оказаться загнанным на топоры защитников круга?

– Не успеет. Делай ставку.

Сотник шмыгнул в кружок своих товарищей, на этот раз к закладчику побежала большая группа желающих получить денежки на халяву. Норманн не рассчитывал переманить их к себе. Все намного проще – они поставят деньги, как следствие, будут за него «болеть» и радоваться победе. В данном случае «помощь зала» повлияет на общую атмосферу и обезопасит от возможной стихийной расправы. А его сторонников-то много! Реально они не пойдут за норгом, но в предстоящем поединке ставки делаются на его победу. Очень хорошо! Очень!

Варбе, размахивая рогатиной, направился к центру. На этот раз Лунд произносил ритуальные слова с торжественной напыщенностью, а закончив, скомандовал начало и степенно вышел из круга. Блеснув, лезвие очертило полукруг, противник сделал широкий шаг вперед, а Норманн стремительно рванулся навстречу. Шведу бы не мудрить, а просто ударить древком по ногам. Вместо этого он начал судорожно перехватывать оружие в надежде остановить врага коротким колющим ударом. Не судьба. Прыжок, два меча одновременно ударили в грудь и завалили Варбе на спину. В завершение Норманн навалился и пригвоздил противника к утоптанному снегу. Когда победитель поднял над головой окровавленное оружие, примерно половина толпы проорала в едином порыве:

– Слава! Слава! Слава!

А Хутинг-то белее снега! И хорошо и плохо. Даже мышь может стать опасной, если загнать ее в угол. Норманн искоса глянул на Лунда, улыбка во весь рот, его сотоварищи тащат две шапки серебра и медяков. Повернулся к валькириям, девушки тут же послали воздушные поцелуи. И на стене порядок, две сотни лучников рассеялись цепью и с невинным видом прикрывают от случайных взоров свое оружие. Но вот тинг подготовили к очередному бою, а молчание правителя продолжается. Со стороны зрителей послышались ехидные замечания в сторону ярла. Не сдержалась и Бригген:

– Хутинг! Ты не для меня партнера подыскиваешь? Блондины с крепким оружием меня возбуждают!

Грянул хохот вперемишку с сальными шутками и поговорками, и тут выступил Енг:

– Норг, ты хорош с мечами, а безоружным тебе не устоять! Я убью тебя голыми руками!

² Приозерск. Здесь и далее в примечаниях указаны современные названия географических пунктов, если они не соответствуют их названиям в описываемую эпоху.

Шум мгновенно утих, правила тинга требуют оружия. Традиции выяснения отношений позволяют рукопашные схватки, причем без каких-либо ограничений. Можно драться руками или ногами, кусаться, бороться, душить, выворачивать руки-ноги и так далее. Но это будет не тинг.

– Я согласен, – спокойно ответил Норманн.

Его слова поглотил рев одобрения. Это кричали уже не воины, а зрители, которым хотелось продолжения. Енг начал оголять торс, а Норманн передал свои мечи валькириям. В любом случае это не финал, крепость не получить, пока жив Хутинг.

Центр круга освободили от жернова и молота, а первый ряд воинов убрал топоры. В новых обстоятельствах беглеца выпускают из круга и изгоняют из общины.

– Теперь тебе точно конец, – тихо сказал Лунд. – Если не убьет кулаками, то придушит как котенка.

– Положу с первого раза.

– Ерунда! Когда строили дом ярла, ему на голову с крыши скатилось бревно. И ничего! Отматерил карелов и пошел дальше.

– Делай ставку на один удар в голову.

– Тебя не заклинило? Все время один удар да один удар!

– Так научили. Или завали с первого раза, или получишь сдачи и очень больно.

– Судя по шрамам, – Лунд кивнул на грудь, – ты прошел суровую школу, вон как исполосовали.

– Не говори о том, чего не знаешь, – недовольно поморщился Норманн. Он никак не мог смириться с уродливой «боевой раскраской».

– Я не хотел тебя обидеть. – Сотник по-своему понял высказанное недовольство. – Тренделлаг действительно твой отец?

– Я никогда не видел своих родителей.

– Даже матери?

– Она умерла при родах.

– Это меняет дело. Во главе должен стоять самый сильный, а не самый хитрый.

– В жизни по-всякому бывает.

– Говоришь, уложишь Енга одним ударом? А нам куда идти?

– Оставайся, мне нужны воины.

– Не смейся. Знаешь поговорку про шведа и норвежца в одной лодке?

– Друг друга убьют и карфи утопят, – усмехнулся Норманн.

– Вот видишь! А уходить, судя по всему, придется, – вздохнул Лунд.

– Вам до Выборга не дойти.

– Не все, но дойдем. Карелы просто так нас не выпустят, да оружие у них слабое, и дерутся каждый сам за себя.

– Иди в Сердоболь.

– Нас к воротам не подпустят.

– Позови воеводу, скажи, что я послал тебя к Нерлю.

– И что меня там ждет? Я приведу с собой не менее полутора сотен. Побоятся впустить такую ораву.

– Просись в корабельную рать, по весне пойдете в Персию.

– Не врешь? – заинтересованно спросил сотник.

– Какой смысл? На Выборг пойдешь – убьют, на Сердоболь – в далекие края уплывешь.

– А если под себя всех соберу да крепость возьму на меч?

– Посмотри на стены, там лучники, а за стеной воины.

– Ах ты, стервец! Я чувствовал подвох, да понять не мог, в чем он! Говоришь, к Нерлю идти. Спасибо за совет.

Лунд посмотрел на входящего в круг Енга, скептически глянул на Нормана и пошел к своим сотоварищам. Поверил-таки, дружки сотника побежали к закладчику, затем прошлись среди зрителей, и толпа начала редеть. Есть! Полдела сделано! Они добровольно уйдут и подадут пример другим. Неважно, куда направятся остальные, первым делом требуется спровадить их из крепости без кровопролития.

Енг прошел по периметру круга под одобрительные крики и пожелания победы. Затем встал в центре и трижды выкрикнул слово «тюлень», по всей видимости, клич племени или рода. Зрители начали скандировать считалку про рыбака, и под дружное «готово» Норманн двинулся навстречу. Широко расставляя ноги, сутулясь и растопырив руки, он создавал иллюзию борца, готового охватить противника за пояс.

– Давай, Енг, вмажь ему, чтоб мозги вылетели через задницу! – злобно выкрикнул Хутинг.

В этот момент Норманн прыгнул. Простенький прием, его исполняют танцоры народных танцев, реже футболисты в безуспешных попытках забить мяч в ворота. Толчок ногами, нырок головой поперек линии движения, разворот в воздухе на триста шестьдесят градусов завершается ударом ногой. В данном случае носок сапога попал под ухо в основание черепа. Надежно, как гильотина. Енг даже не пошатнулся, только склонил голову и опустил руки, затем неожиданно рухнул, как бы опав всем телом. Так и должно быть, со сломанной шеей не живут. Зрители замерли не в состоянии поверить в случившееся: известный силач не продержался в круге и минуты! Да и норг вызывал уважение, попробуй найти другого воина, способного с легкостью одолеть череду лучших бойцов, а в завершение с одного удара уложить первого крепыша. Шушукаясь, шведы пододвинулись к крыльцу в ожидании заключительного слова своего ярла.

Норманн подхватил мечи и встал напротив Хутинга. Пора завершать начатое дело. Провитель долго молчал, глядя на свои сапоги, затем поднял голову, ожег норга гневным взглядом и собрался что-то сказать. Вероятнее всего приказал бы убить наглого пришельца, да в последний момент увидел стоящую у ворот кавалерию. Зрачки от удивления расширились, а готовые к выстрелу лучники на стене окончательно прояснили сложившееся положение.

– Твоя крепость! – Он зло сплюнул на утоптаный снег. – Надо было сразу убить без всяких церемоний.

– Вытри плевок с моей земли!

– Что?!

– Вытри плевок, иначе заставлю вылизать весь двор!

В этот момент мимо круга в сторону ворот потопала толпа уходящих воинов во главе с Лундом. Они дружески прощались с оцепеневшими от неожиданности бывшими соратниками, выкрикивали имена, зазывая уйти прямо сейчас. Наступил момент прозрения. Шведы правильно оценили угрозу со стороны неведомо как оказавшихся на стене лучников, а десяток всадников у ворот мог оказаться не одной сотней. Что там за стеной? Это никому не видно. Настроение вмиг переменялось, придется уходить с обжитого места, и виноват в этом только их недальновидный ярл.

– Норг! Вспори этому дурню брюхо и вымой его кровью двор! – послышался из толпы гневный выкрик.

– Руби ему голову, норг! Руби! Я не хочу пачкать об этого поганца свой топор!

Угрозы и оскорбления в адрес теперь уже бывшего ярла сыпались со всех сторон, предвещая неминуемую расправу в самом ближайшем будущем.

– Что же, норг, ты сам захотел сразиться со мной! – зло усмехнулся Хутинг. – Теперь пеняй на себя!

А вот это уже интересно! Он не воин, это ясно, иначе бы сам принял вызов, а не прятался за спинами своих ближников. В то же время угроза высказана спокойно, с уверенностью в своем превосходстве. Что он мог затеять? Норманн читал о хитрых мечях с потайной кнопкой на рукояти. Подобное оружие со скрытыми пружинками стреляет тонкими дротиками или раскрывается веером с множеством лезвий. Нет, последнее маловероятно, это требует особого навыка, который необходимо ежедневно шлифовать.

– Перейдите ближе к крыльцу и стойте за спиной ярла. – Норманн счел необходимым предупредить валькирий.

– Тебе помочь? – уточнила Флейен.

– Нет, мне не нравится его уверенность.

– Блефует, он трус! – фыркнула Бригген.

– Трусы как раз и опасны, они всегда готовы к подлому поступку.

Девушки на стали уточнять и послушно перешли к указанному месту, причем Флейен перетащила трофейный двуручный меч и оперлась на него как на посох. В этот момент из дома вышел Хутинг, в одной руке булава, в другой щит. В общем-то ничего необычного, разве что надел колонтарь³, но это уже не тинг, имеет право.

– Готовься к смерти, норг, я наплюю на твой труп и вымою сапоги твоей кровью!

Норманн не стал отвечать, он искал подвох в руках и одежде ярла. Обычная булава, а шипы слишком большие для скрытых пружин, не выстрелить, и короткая пружина не даст нужного усилия. Колонтарь? Нет, обычная кольчуга с наплечниками и двумя пластинами на груди и животе. Щит! Правильно, металлический полированный щит с четырьмя рядами выступающих острых шипов. Вот она где ловушка! Норманн с облегчением выдохнул, улыбнулся и вышел в круг – он придумал ответный ход.

– Давай, норг, прибей паршивца, и мы уйдем. Надо до темноты успеть добраться до ближайшей деревни, – послышался спокойный голос одного из воинов.

Опустив булаву и выставив перед собой щит, Хутинг двинулся на врага, а Норманн показал проход баскетболиста к кольцу с разворотом спиной к противнику. Чисто психологический прием – главарь захочет пустить стрелы в грудь, значит, замешкается, и булава не готова к удару. Шаг, поворот, затем второй шаг. Ярл понял свою ошибку, звонкими молоточками защелкали пружинки, среди зрителей раздалось сначала недоуменные, затем злобные крики. Поворот, и меч снес Хутингу голову. Шведы выхватили топоры и разъяренной толпой начали кромсать бездыханное тело.

– В своих стрелять!

– Рубите гада на куски!

– Разбрасаем мясо за стеной!

– Да! Скормим эту сволочь собакам!

Сотрясаясь от нервной дрожи, Норманн направился теперь уже в свой дом. Отходняк, после серьезного боя всегда трясет, это нормально, так и должно быть, но столь сильно в первый раз. Впрочем, до этого максимальным риском был сломанный нос или разорванное ухо. А сейчас на кону стояла его жизнь!

³ Колонтарь (калантарь) – старинный доспех, броня из блях и колец, среднее между латами и кольчугой.

Глава 2

Теория войны

Валькирии услужливо набросили на плечи шубу и открыли входную дверь. Нерль подхватил под руку и помог сесть в широкое кресло.

– Трясет? – И не дожидаясь ответа, крикнул: – Быстро приготовить баню! Вишь, князь продрог.

– Какой князь? Я не замерз! Откуда ты взялся?

– Когда я впервые от смерти ушел, меня так колотило, что меч из рук выпадал.

– Баня зачем?

– Первое дело! Кровь разгонит, из парной новым человеком выйдешь. Иначе до завтра квелым просидишь.

– Почему князьям меня назвал?

– Ты сколько земли на меч взял? Нынче под твоей рукой полное удельное княжество!

– Кому это надо?

– Как кому? – опешил Нерль. – Нам, твоим слугам! Ты о нас заботишься, мы тебе служим.

О чем спорить? Нерль прав. Норманн оттяпал солидный кусок карельской земли и при любом раскладе передаст ее своим дворянам. А вот что делать дальше? Это не вопрос форпоста против проникновения шведских беженцев, проблема на самом деле намного серьезнее. Появление государства с единой властью и законами в первую очередь привлечет внимание сильных мира сего, то бишь Ганзу и Готландский союз. Но в первую очередь новоявленным правителем заинтересуется Новгород. Со своими будет легче, экспансия купцов с Волхова достаточно вялая, их интересуют только деньги, что в дальнейшем и позволило Москве победить в конкурентной борьбе. Зато Любек и Висбю сначала пришлют войско, после чего начнут разговаривать с сидящим на цепи правителем. Следовательно, из плюсов членство в Ганзе с поддержкой правителей, как минус – неизбежная война со шведами.

– Придется брать Выборг и Ругодив⁴, – со вздохом сказал Норманн.

– Не спешишь, княже?

– Да нет, просто мысли вслух. Снова придется в Любек отправляться.

– Тебе-то зачем? Шушун тебе торговлю наладил, надежных приказчиков подыскал, шкиперов больше, чем кораблей.

– Кстати, о шкиперах. Ты как здесь оказался? Я в дверь, а ты меня под руку.

– Мы следом за тобой в крепость прошли, – сказал Нерль.

– Мы – это кто?

– Вся моя дружина.

– Зачем рисковал?

– Затем, что ты нас в Новгороде как родных принял. Не побоялся беглых взять, уважил да в дворяне вывел.

– Почему меня не предупредил?

– Нельзя, ты бы на нас смотрел, и свои не дураки, сразу выделили бы чужаков. А так мы спокойно стояли в толпе.

– Храбрые у тебя воины, не побоялись выйти один на двадцать.

– Куда нам до тебя! Сам-то один на полтысячи пошел.

– Почему же один? Со мной были норвежские воительницы.

⁴ Нарва.

- Свеев хорошо посмешили, то верно. Ты наставника своего попроси научить их бою вдвоем на тебя одного.
- Зачем? Они совсем неплохо мечом владеют.
- То ваша княжья доля один в один биться. Ты уж прости меня, да девы не способны защитить ни себя, ни тебя, – строго произнес Нерль.
- Спасибо за совет, поговорю с Ахиллом, он знает бой плечом к плечу в ровном строю.
- Вот и чудненько. Новиков к нему пришли, тебе нужна княжья сотня из доверенных людей.
- Сотня? Не смейся! По весне корабли разойдутся, после чего крепости честным словом защищать придется.
- Защитим, о том не беспокойся. Вон карелов сколько пришло.
- Проку с них никакого, если только шапки кидать со стены.
- О том только мы знаем. Гуляющие люди воинов сосчитают, а если еще в броне да с хорошим оружием, то со страха и удвоят, – назидательно сказал Нерль.
- Не успеем до весны каждому колонтарь дать.
- И не надо, сукна у тебя много, общей людей. В дозоре, на стене да у ворот покрасуются, и достаточно.
- В первую очередь организуй регулярный патруль. Это даст крестьянам спокойствие и доверие к нам, – уточнил Норманн.
- Верно говоришь! Когда человек видит рядом защитника, и работа спорится, и песня поется.
- Да, чуть не забыл! Я полторы сотни свеев к тебе направил. С ними сотник Лунд, что тингом правил.
- О как! А я-то подумал трусы деру дали! То-то сморю, шепчетесь да шепчетесь. А ты, оказывается, его сманивал!
- Правильнее сказать – заманивал.
- Что ж такого ты наобещал, если своей про извечную вражду к норгам забыл?
- Вообще ничего. Предложил по весне в Персию сходить да твое имя назвал. Сам не открылся.
- И правильно! Русские уж полтысячи лет с крестом. Тебя бы сразу на том же тинге в капусту порубили.
- Спасибо валькириям, в этом они хорошо мне помогли. С их помощью я вызубрил обряд тинга как «Отче наш».

Шведское пополнение было очень кстати. Мурманцы останутся в Рыбреке и возьмут на себя контроль южного побережья Онежского озера. Для похода в Каспийское море потребуется никак не меньше трех сотен корабельщиков. Как ни крути, а на каждый ушкуй, драккар или карфи требуется по десять человек, это минимум. Флот после ледохода уйдет на Балтику, и там на каждый корабль нужен экипаж не менее тридцати человек. Всеобщий морской разбой даже убежденного пацифиста заставит взяться за оружие. Иного выхода нет: или поставь корабли на отстой, или сажай вооруженных корабельщиков, причем с опытом морских боев. Нерль куда-то ушел, а Норманн начал фантазировать на тему современных морских сражений. Корабельная артиллерия просматривается в слишком далекой перспективе и совсем неоднозначно. Общаясь в Любеке с «коллегами по бизнесу», он узнал о двух фактах применения пушек в морских сражениях. Первый раз это произошло в битве между Византией и Тунисом, а затем между Севильей и Тунисом. В обоих случаях победа осталась за арабами, что давало повод ожидать в Персии встречи с пороховым оружием.

О древней корабельной артиллерии Норманн знал очень мало. Первые пушки ставили на открытой палубе, что значительно ограничивало их применение. Дождь, ветер, морские

брызги – все это не только осложняло процесс заряжания, порой делало невозможным осуществить сам выстрел. Оружейники изгалялись в изобретении всевозможных противоожоговых колпачков над запальным отверстием. Алхимики мудрили с водостойким порохом и фитилями. Проблему решили простые византийские моряки, которым как раз в непогоду приходилось гоняться за венецианскими контрабандистами и пиратами. На военных кораблях империи ромеев пушки прикрыли деревянным козырьком. Достаточно быстро идея получила развитие, сначала корабельную артиллерию запрятали под фальшпалубу, а вскоре на верфях Константинополя началось строительство двухпалубных военных кораблей.

– Пошли, баня готова! – В комнату вбежала Флейен.

Девушка с лукавой улыбкой заглянула Норманну в глаза. Пойми этих женщин! Ночью в постели что одна, что другая вели себя новобрачными скромницами, зато в бане обе преображались в агрессивных путан. Или это правила норвежского бытия? Типа, по традиции, все племя спит под одной крышей, а в бане оттягиваются общим коллективом?

– Помоги встать, что-то я устал.

– Нормально! После боя всегда так, – уверенно ответила Флейен.

– Ты давно воюешь?

– Скоро будет четвертая весна.

– Много сражений прошла за три года?

– Не считала. Как правило, ежегодно один набег и несколько захватов чужих драккаров и карфи.

– Корабли взять не пытались?

– Ха! Это ты с одним драккаром можешь взять целую флотилию, а нам и одиночный когт не осилить.

– Ох! Хо-хо! – Норманн встал, тяжело кряхтя старым дедом.

– Потихонечку пошли, пошли! – проворковала Флейен. – Сейчас мы тебе косточки и не косточки приведем в рабочее состояние!

Банька дышала ароматом мяты и душицы. Девушки проворно помогли раздеться и чуть ли не на руках затащили на верхнюю полку. Взяли пучки мха и с двусмысленными шуточками-прибаутками принялись нежно растирать тело.

– Сначала надо тюлений жир снять! – В баню вошел Нерль.

По-солдатски быстро воевода скинул одежду и прошел в парилку.

– А ну брысь в угол, сидите и учитесь!

На камни полетела крошечная порция воды, где взорвалась жгучим паром. В ноздри ударил терпкий запах тмина.

– Хочешь обработать меня, как пекарь булочку? – проворчал Норманн.

– Лежи и не трепыхайся. Оглажу, и выйдешь румяным красным соколом на зависть всем красавицам.

Нерль натянул на голову шутовской колпак, надел варежки и еще поддал пара, после чего приступил к экзекуции. Крепкие руки мяли Норманна, выворачивали суставы и жесткими камешками пробегали по позвоночнику. Затем началась попытка под названием термомассаж. Сначала веники опахалом нагоняли горячий воздух, затем можжевеловые иголки обжигали кожу раскаленными укусами. Садизм, да и только!

– Сейчас лежи смирно и не трепыхайся! – скомандовал воевода.

В блаженном расслаблении прошло несколько минут умиротворенного покоя.

– Все, липучку не трогай, пока сама не отпадет!

Громко охнув, Нерль вылил на себя шайку холодной воды и ушел одеваться в предбанник.

– А что это ты мне прилепил? – заметив на сгибе руки кусочек смолы, спросил Норманн.

– Барбарис с еловой смолой, – вытираясь полотенцем, ответил воевода.

– Не понял! На кой мне это надо?

– Я тебе почти литр крови спустил, а дырочку залепил. Потерпи пять минут и выкини.

– Зачем тебе моя кровь?

– Она порченная, не нужна ни мне, ни тебе. Я слил ее в сток. Девы быстро тебя вылечат, через пару минут забурлишь новой кровью.

Норманн замер, боясь пошевелиться. Литр крови, это много или нет? Додумать не успел. Бригген коварно плеснула на живот ковшик ледяной воды, а страстный поцелуй Флейен прервал вопль возмущения. Не дожидаясь ухода воеводы, валькирии набросились с явным желанием лишить Норманна последних капелек крови.

Через полтора часа появились служанки и наполнили бадейки горячей и холодной водой. Оголились без тени смущения и, ойкая, полезли на верхнюю полку. Оно и верно, в крепость пришел новый гарнизон, так что вечер обещает много развлечений. Вымытый и распаренный, Норманн ощущал невероятную легкость тела и силу каждой мышцы. Накинув шубу, вышел из бани и с удовольствием вдохнул пахнувший хвоей морозный воздух. Валькирии выскочили босые и нагие, с хохотом поиграли в снежки, после чего побежали в дом. Мало что морозная зима, так еще двор полон мужчин, а им хоть бы хны! Ну и нравы! Впрочем, никто из воинов на них не таращился и не бросал двусмысленных шуток. Подумаешь, бабы помылись!

– Эй, кто это тут похозяйничал? – возмутился Норманн, увидев на кровати аккуратно разложенную одежду. Рядом на столе приготовлены золотые украшения с китайским стеклом.

– С легким паром, княже! – В спальную комнату бочком протиснулся Нил. – Я велел приготовить.

– С какой это радости?

– Так это, княже, крепость взяли! Воевода воинов созвал, вот. Ну и мне велел тебя наряжать, вот.

– Хорошо, нарядишь как красну девицу. А дальше? Войти в круг и начать плясать?

– Нет, княже! Тебя ждут у крыльца, скажи своим воинам ласковое слово, вот.

– Что за люди собрались?

– Новики из последнего набора, все карелы, вот.

– Лады, гони сюда Флейен с Бригген, для них забава наряжать меня. Сам беги к Нерлю, предупреди мой выход.

Прозорлив воевода, правильная мысль с общим построением. Бывший Денсгольм, а теперь снова Марь Гора, стоит на земле карелов, набранные воины должны почувствовать себя защитниками собственного дома. Подобный подход значительно облегчит жизнь как Нерля, так и Норманна, ибо в глазах аборигенов они становятся не завоевателями, а освободителями. Пусть карелы малочисленный и разбросанный по большой территории народ, в любом варианте поддержка лучше угрозы получить удар в спину. Валькирии принялись прихорашивать своего повелителя, тщательно разгладили все складки на одежде, затем любовно украсили золотыми цепями и перстнями. Завершил ритуал золотой пояс с парадным мечом.

– Готов? – В комнату без стука вошел Нерль.

– Не слишком ли много золота? – засомневался Норманн. – Люди живут рыбой, кусок хлеба по праздникам, а тут правитель сияет украшениями.

– Как раз наоборот! Народ порадуетсya твоему богатству, получит надежду, что через тебя и их доля станет легче.

– Ага, солнышко пригреет, пшеница начнет расти.

– Тьфу на тебя, неугомонный. Так и норовишь все вывернуть наизнанку.

– Извини, но я действительно не вижу смысла во всех этих украшениях.

– Каждый человек гордится своим князем, его достатком и удаью. От захудалого правителя народ сбежит.

– Ой ли? Для человека важнее сытый стол, а не украшения на груди далекого владельца.
– Не знаешь, не говори. Кто сейчас припомнит Вжитское, Добовецкое или Степанское княжество?

– Даже не слышал о таких.

– Вот видишь! Народ разбежался, а правители сгнули в неизвестности.

– Все равно не понимаю. У меня на груди золотые бирюльки, у крестьянина на столе лебеда с крапивой!

– Не о том печешься! Подати собирают по закону, и каждый с поклоном вносит долю за свое благополучие.

– А я на это покупаю себе украшения!

– Да хоть черта в ступе! – в сердцах воскликнул Нерль. – Для крестьянина важен покой, его не грабят, и славен князь.

– Да ладно, не горячись, я действительно не понимаю устройство этого мира.

– Да уж, вырос в диких племенах! Вы там или друг дружку бьете, или в поход на разбой пошли.

– Можно подумать, что на Руси мир да любовь, – огрызнулся Норманн.

– Одейся? И пошли! Нечего тут разводить антимонии!

Выход правителя на крыльцо вызвал среди столпившихся тридцатилетних мужиков бурю приветственных криков. Стояли и молодые, порой совсем мальчишки, но в основной массе в крепость пришли зрелые мужчины. Что же, очень хорошо, возраст гарантирует продуманность действий, не будет необдуманных поступков и спонтанных решений. Далее последовала речь с лейтмотивом: «Это наша земля! Бьем врагов! Грабим соседей!» Понятие «соседи» пришлось подкорректировать. Карельские земли уходили далеко на запад и включали в себя не только Выборг, но и все озера. Западная граница «Карельской империи» просматривалась в районе еще не существующего Ханко, а на севере ограничивалась племенами лопарей, более известных как Лапландия. Неплохо, «законные» притязания дают право на войну за серебряные и медные рудники, но это без помощи Ганзейского союза никак не осилить.

Норманн решил немного задержаться в Денсгольме, которому правом хозяина вернул прежнее название Марь Гора. Новобранцев необходимо учить, а вечерний разговор с воеводой показал значительную разницу в понимании этого вопроса.

– Ты поскорее пришли щиты и оружие, – попросил Нерль. – Новиков много собралось, а кроме дубинок, у них ничего нет.

– Что тебе надо?

– Да все равно, лишь бы железо было хорошим.

– Э, друг, так не пойдет! Каждая сотня должна знать не только место в дружине, но и свою тактику боя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.